

Саймону МакБерни кажется, что музыка окружает его со всех сторон.

Фото Артема Чернова (НГ-фото)

Что такое правда

Знаменитый английский режиссер Саймон МакБерни считает, что прошлое не прошло

Независимая - 2005 - 15 июля - с. 7

Григорий Заславский

Спектакль Саймона МакБерни «Шум времени» был заявлен в афише Международного театрального фестиваля имени Чехова как одно из главных событий. Зал Театра имени Моссовета, где играли англичане, был переполнен. Режиссер очень волновался, перед первым спектаклем репетировал целый день, внося, как ему казалось, необходимые для русской публики поправки. Перед началом очередного представления, когда все коррективы уже были внесены, Саймон МакБерни, худрук одного из самых известных сегодня в Европе театров, согласился дать интервью обозревателю «НГ».

Господин МакБерни, говорили, будто вы побаивались везти в Россию спектакль о Шостаковиче. Но, согласитесь, у вас ведь было и что-то вроде фобии — заведомого уважения: вот ведь, англичанин, а полюбил нашего Шостаковича!

— Когда что-то создаешь, прежде всего делаешь это для первых нескольких спектаклей. Когда я делал это для Нью-Йорка, я не думал, что потом будут думать в Москве. Это был отклик моего сердца на сочинения Шостаковича. Когда я думал о Шостаковиче и его произведениях, в мою голову приходило много вопросов. С вопросами приходила и драматургия, потому что возникал конфликт, так как между вопросом и ответом начинается диалог. Сначала я не понял его 15-й квартет. Поэтому первый вопрос был: что происходит, когда ты слушаешь музыку? Сегодня мы окружены музыкой со

всех сторон. В Америке я был на кладбище, где около могилы можно бросить монетку, и начинает звучать музыка и слова: спасибо, что пришли сюда. Мы называем это «музак».

Мой брат, который очень глубоко изучал русскую культуру и русскую музыку, жил когда-то в Советском Союзе, показал мне, откуда возникает музыка в 15-м квартете: например, самые последние ноты — это последняя часть Второй симфонии, он дал мне прослушать маленький фрагмент из «Катерины Измайловой»... То есть дал мне понять, что вспоминал Шостакович в своем квартете. И тут же у

заставило размышлять о XX веке. А параллельно я думал о природе радио — как мы слышим какие-то вещи, как радио слышит вещи, кто и кого слышал в Советском Союзе?

— Хотя эти вопросы затрагивают не только Советский Союз или Россию, это общечеловеческие вопросы...

— Но особенно они затрагивают то время, которое мы вместе прожили в Европе. Мне иногда кажется, что Шостакович пытается воспроизвести звук бьющего сердца, рассказывая об одном из самых мрачных веков в истории человечества. И совершенно естественно, когда возни-

его лица постепенно опускаются, на его лице как будто отражаются моральные трудности, которые приходилось преодолевать. Некоторые говорят, что он старался вообще уходить от вопросов. Но ведь не от всех вопросов можно было уйти. Его могли ликвидировать, как других. «Что такое правда?» — очень важный вопрос сегодня, поскольку мы все время окружены фикцией, чем-то ненастоящим, виртуальным. Вроде бы нам все показывают: вот это Чечня, говорят нам, вот то, что происходит в Ираке. Но, как говорил Микеланджело, правда прячет свои глаза. Как ты сопротивляешься неправде, как стоишь за правду — это центральная моральная дилемма прошлого века. Не только в России. Везде. В Шостаковиче шла постоянная внутренняя борьба. В музыке его боль находила выход. Может, музыка была результатом его жизни, но шли они абсолютно отдельно.

— Вы даже не представляете себе, как актуален сегодня ваш спектакль в России...

— Опыт — это прошлое, и нельзя сказать, что опыт прошлого остался в прошлом. Он реален, принимаем мы это или нет, но прошлое — это настоящее. Всегда.

Путь Шостаковича отражает, как в зеркале, весь XX век

меня возник вопрос: а каким образом мы помним и как мы забываем? Когда он писал квартет, он страдал от боли, с трудом держал ручку, знал уже, что умирает. Шостакович «описывает» не только свое собственное прошлое. Это и наше прошлое, XX век. В пятой части — в похоронном марше — вы слышите все похоронные марши, там можно уловить и Шопена, и помпезные советские марши, под которые шел кремлевский караул, высоко задирая ноги... И как будто бы даже мы слышим колокола русских церквей. И вдруг начинаешь думать про Джойса и его «Поминки по Финнегане», где также все происходит между ощущением смерти и ощущением жизни, когда граница проходит между тем, что красиво и что ужасно. Так и в квартете — от резких нот вдруг переход к чистой, красивой музыке. Меня это все

кает что-то очень личное, это личное — очень-очень хрупкое, а когда перевозится что-то хрупкое, всегда страшно, что оно разобьется. Из-за этого я очень нервничал, когда ехал сюда.

— Шостакович не спорил с властью. Просили подписать, он подписывал, просили покаяться — каялся. Вам близок такой путь, скорее — если сравнивать — Галилео Галилея, чем Джордано Бруно?

— Мне кажется, никто из нас не знает и не может знать, как он будет поступать, оказавшись в положении Шостаковича или Галилея. Нужно подумать о том, что предлагается. Понять, через какую боль они прошли и что на самом деле является правдой. Путь Шостаковича отражает, как в зеркале, весь XX век. Когда я смотрю на фотографии Шостаковича на протяжении его жизни, впечатление, что черты

Из досье «НГ»

Саймон МакБерни — основатель и художественный руководитель театра «Комплисите». Один из самых известных его спектаклей «Улица крокодилов» гастролировал в Москве на одном из Чеховских фестивалей. Ставил спектакли на Трафальгарской площади с группой «Пет Шоп Бойз», в Лос-Анджелесе — с Лос-Анджелесским филармоническим оркестром, в Национальном театре — «Меру за мерой». В «Шуме времени» принимает участие всемирно известный «Эмерсон квартет» (США).